

На правах рукописи

Маркова Елена Андреевна

**АНГЛИЙСКИЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ РУССКИХ ЧАСТИЦ
С ПОЗИЦИЙ СИСТЕМНОЙ ЛИНГВИСТИКИ**

Специальность: 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2017

Работа выполнена на кафедре русского языка и межкультурной коммуникации факультета гуманитарных и социальных наук ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»

Научный руководитель:

доктор филологических наук (10.02.01 – Русский язык), профессор **Бахтикиреева Улданай Максумовна**, профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации факультета гуманитарных и социальных наук ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов» (РУДН)

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук (10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание), профессор **Прошина Зоя Григорьевна**, профессор кафедры теории преподавания иностранных языков факультета иностранных языков и регионоведения ФГОУ ВО Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (МГУ им. М.В. Ломоносова)

кандидат филологических наук (10.02.04 – Германские языки), доцент **Ривлина Александра Абрамовна**, доцент кафедры английского языка для социальных дисциплин Департамента иностранных языков ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)

Ведущая организация:

ГОУ ВО МО «Московский государственный областной университет» (МГОУ)

Защита состоится «01» декабря 2017 года в 12 часов на заседании диссертационного совета Д 212.203.12 при ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов» по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, зал No 1.

С диссертацией можно ознакомиться в Учебно-информационном центре (Научной библиотеке) Российского университета дружбы народов.

Объявление о защите и автореферат диссертации размещены на сайтах <http://vak.ed.gov.ru> и <http://dissovnet.rudn.ru>.

Автореферат разослан «___» _____ 2017 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук,
доцент

Нелюбова Наталья Юрьевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Частицы русского и английского языков подвергаются исследованиям в российской и зарубежной лингвистике на протяжении длительного исторического времени. Более двух столетий русские частицы («гибридные единицы», «мелкие слова», «ошмётки» языка, «мелкие элементы», «частички-партикулы») находятся в фокусе внимания отечественных ученых (М.В. Ломоносов, Н.И. Греч, А.В. Добиаш, Ф.Ф. Фортунатов, А.А. Шахматов, А.М. Пешковский, В.В. Виноградов, Л.В. Щерба, Н.Ю. Шведова, Е.А. Стародумова, Т.М. Николаева, Л.Г. Зубкова, Е.В. Падучева, А.П. Евгеньева, В.И. Муминов и мн. др.).

В течение трех веков английские частицы (т.н. «P'-phenomena», «P'-forms», «P'-words») изучаются зарубежными учеными (Дж. Локк, У. Уокер, Д. Болинджер, Б. Каппелле, С. Лиднер, К. Бругман, Д. Лакофф, А. Тайлер, В. Эванс, Э.М. О'Дауд, К. Дебра и др.).

В последней четверти XX в. английские частицы активно исследуются российскими учеными в различных аспектах (Б.А. Кривоносов, С.Е. Маковеева и др.), в т.ч. с позиций когнитивной лингвистики (Б.Б. Базарова, М.А. Пчелкина и др.).

С 90-х годов актуализируются исследования, посвященные *английским соответствиям русских частиц* с позиций коммуникативной теории перевода (А.Г. Минченков и др.).

Исследованные отечественными учеными разных поколений русские и английские частицы признаны особыми маркерами, указывающими на типологические особенности русского и английского языков. Вместе с тем, сравнительный анализ разных подходов к осмыслению и описанию частиц и их иноязычных эквивалентов свидетельствует о том, что за пределами исследований остаются достижения системной типологии языков – системной лингвистики (или теории системно-типологической языковой детерминанты).

Системная типологии языков Г.П. Мельникова, сконцентрировавшая идеи основоположников системного подхода к языку, обладает большой объяснительной силой (*explanatory power*) для более глубокого понимания феномена частиц и, следовательно, их иноязычных эквивалентов.

В лингвистической концепции Г.П. Мельникова, непосредственно в понятии *внутренней детерминанты* воплощено *гумбольдтовское понимание внутренней формы* как функционально наиболее важного свойства языкового строя и типа. Являясь наиболее устойчивым свойством языковой системы, проявляющимся на высшем уровне и поддерживаемым своеобразием всех подуровней, *внутренняя детерминанта языка* проявляется и реализуется в *коммуникативном ракурсе*, в особенностях смысловой схемы типовых высказываний. Таким образом, системная лингвистика строится на понимании языка как самонастраивающейся динамической системы, действие которой осуществляется в силу связанности и взаимодействия всех её ярусов и

подсистем. Оптимальная согласованность элементов, реализующих свои функции, обуславливает целостное и эффективное функционирование системы.¹

Как представляется, системный подход, легализовавший разнообразные методы изучения и описания языка как адаптивной системы, расширяет исследовательское поле английского и русского языкознания в изучении служебных слов – частиц и их иноязычных эквивалентов как показателей своеобразия коммуникативного ракурса языка.

Выбранная для раскрытия темы исследования лингвистическая концепция Г.П. Мельникова представляется актуальной и в контексте современного функционирования английского языка и инационально-английского би(поли)лингвизма. Глобальная англизация усиливает тенденции к корнеизоляции, которая, в свое очередь, обуславливает потребности английской языковой системы «полифункционально использовать знаки».²

В настоящей диссертации осуществлена попытка ответить на ряд вопросов, и прежде всего, на следующие: Каков потенциал системной лингвистики в объяснении особой роли и значения частиц в системе языка в отличие от всех предшествующих подходов? Какова роль и значение частиц и, собственно – *английских эквивалентов русских частиц* – в формировании внутренней детерминанты (формы) двух сопоставляемых языков?

В работе мы руководствуемся одним из принципов Г.П. Мельникова: «Сосредоточив внимание лишь на одной стороне, на одном компоненте системы, исследователь, хотя и не во всех деталях, но все-таки вольно или невольно получает информацию и обо всех иных сторонах, параметрах и компонентах данной системы».³

Основная цель диссертации – на основе сравнительного анализа разных подходов в изучении частиц и сопоставительного анализа русских частиц и их английских эквивалентов определить особую значимость последних в выявлении внутренней детерминанты английского языка с позиций системной лингвистики.

Методологической основой исследования является синтез – обобщение достижений классической теоретической лингвистики (отечественной и зарубежной) в изучении частиц и их англоязычных соответствий и системно-типологической теории языковой детерминанты Г.П. Мельникова в сочетании с коммуникативной теорией перевода и теорией языковых контактов и билингвизма, в частности, художественного.

Методическую стратегию исследования определяет накопленный в отечественной и зарубежной лингвистике опыт по изучению частиц и их перевода с русского языка на английский. В работе использовался сравнительно-исторический метод, метод аналогии как один из научных методов познания, сопоставительный метод, базирующийся на синхронии и устанавливающий различное в языковых системах, метод сплошной выборки, метод

¹ Лутин С.А. Истоки и суть детерминантного подхода к языку как системе (памяти Г.П. Мельникова) // Вестник РУДН. Сер. Лингвистика. М.: РУДН, 2006. № 2 (8). С. 13-21.

² Мельников Г.П. Системная типология языков: Принципы, методы, модели // Г.П. Мельников / Отв. ред. Л.Г. Зубкова. М.: Наука, 2003. 395 с. С. 123.

³ Мельников Г.П. Указ. соч. С. 357.

лингвистического описания, логико-семантический метод, общенаучные методы индукции и дедукции.

В качестве дополнительного метода исследования к работе привлекается обобщение педагогического опыта (выявление трудностей, возникающих в процессе преподавания английского языка в высшей школе русскоязычным студентам).

В рамках коммуникативной теории перевода, и прежде всего – подхода А.Г. Минченкова к понятию переводческой эквивалентности, мы оперируем в работе термином *английские эквиваленты*, а не *английские соответствия русских частиц*.

Объектом исследования является внутренняя детерминанта английской и русской языковой системы, а **предметом** – русские частицы и их английские эквиваленты.

Задачи исследования:

- провести сравнительный анализ подходов, традиций и достижений в отечественной и зарубежной лингвистике в изучении английских эквивалентов русских частиц и, собственно – русских и английских частиц;
- основываясь на выводах сравнительного анализа, подвести теоретическую базу, обосновывающую целесообразность изучения служебных слов (частиц) в рамках системно-типологической теории языковой детерминанты;
- изложить основные положения системной типологии языков и показать её возможности для объяснения различий в коммуникативных ракурсах английского и русского языков;
- провести сопоставительный анализ русских частиц и их английских эквивалентов с целью выявления их ценности в формировании внутренней детерминанты английского языковой системы с позиций системной типологии языков.

В ходе исследования решались **сопутствующие задачи**, наиболее значимыми из которых являются следующие:

- выявить причины интенсивной вариативности английского языка в его современном состоянии «глобальности» с позиций системной лингвистики;
- показать возможности системной лингвистики в отношении объяснения феномена художественного (литературного) билингвизма и творческой билингвальной личности.

Выбор материала для исследования обусловлен поставленными целью и задачами. Поскольку в центре внимания стоят вопросы выявления особенностей коммуникативного ракурса английского языка посредством английских эквивалентов русских частиц, что напрямую связано с коммуникативной теорией перевода и теорией языковых контактов и билингвизма, привлекались художественные тексты билингвального писателя. Выбор автора обусловлен: исследуемые особенности ярко отражены в русском и английском тексте внимательного ко всем нюансам и деталям В. Набокова. Поиском аналогий и большей достоверности вызвано обращение к результатам, полученным в ходе сравнительно-сопоставительных исследований английских соответствий русских частиц и собственно русских и английских частиц отечественными лингвистами.

Гипотеза исследования. Выявление особенностей коммуникативного ракурса языка через один из его компонентов, в частности – служебных слов (частиц), способствует пониманию языка как целесообразной функциональной системы, обусловленной особенностями сторон жизни языковой общности и её потребности использовать его в определённых условиях.

Научная новизна исследования определяется тем, что впервые английские соответствия русских частиц и собственно частицы подвергаются изучению с позиций системной лингвистики. Новаторским подходом является рассмотрение английских эквивалентов русских частиц в качестве значимых показателей своеобразия коммуникативного ракурса английского языка, его внутренней формы.

Теоретическая значимость исследования заключается в обосновании продуктивности системной типологии языков в изучении внутренней детерминанты языка посредством служебного класса слов; в обосновании выводов о значимости частиц как особой подсистемы в системе языка; о возможности рассматривать английские эквиваленты русских частиц как показателей своеобразия коммуникативного ракурса – внутренней детерминанты английской языковой системы; уточнении возможностей частиц участвовать в реализации сюжето- и текстообразующих функций. Теоретическая значимость также определяется применением принципов и методов системной лингвистики для выявления причин интенсивной вариативности английского языка и феномена речемыслительной деятельности творческой билингвальной личности.

Практическая ценность материалов исследования заключается в возможности их использования при подготовке вузовских курсов по общему и частному – английскому языкознанию и лингвокультурологии, социо-, психо- и этно(психо)лингвистике, когнитивной лингвистике, межкультурной коммуникации, теории и практике перевода. Содержание и выводы диссертационной работы и представленный в ней материал могут применяться в процессе преподавания английского языка в русскоязычной аудитории.

Объективность и достоверность результатов исследования определяется анализом научных трудов классического теоретического языкознания и системной лингвистики в области изучения частиц и подтверждается количеством русских частиц и их английских эквивалентов, привлеченных к исследованию методом сплошной выборки из русского и английского текстов наименее исследованного в лингвистическом плане романа В. Набокова «Защита Лужина» и "The Luzhin Defence". Всего в русском тексте выявлена 61 частица русского языка и проанализировано 1232 примера их использования в русском тексте «Защита Лужина» и 1232 примера английских эквивалентов русских частиц в тексте "The Luzhin Defence".

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Русские частицы – служебные слова и английские частицы (particle, P-phenomena, P-forms, P-words) в силу постоянного развития языка и коммуникативных навыков у его носителей находятся в фокусе внимания многих поколений российских и зарубежных лингвистов. Различия в русской и английской традициях в области изучения частиц обусловлены типологическими различиями двух языков.

2. Принципы и методы системной лингвистики позволяют рассматривать язык как систему, функционирующую в оптимальной согласованности с подсистемой (частицами), от действия которой, в свою очередь, зависит эффективное функционирование других подсистем и системы в целом. Подход к изучению языка как к адаптивной коммуникативной системе позволяет выявить особенности его коммуникативного ракурса и типологические отличия от другого языка.

3. Типологическое своеобразие английского языка, обусловленное полифункциональным использованием устоявшихся в языковой системе ресурсов, с позиций системной лингвистики характеризуется как не имеющее строго фиксированного коммуникативного ракурса. Его внутренняя детерминанта тяготеет к окказиональной, к использованию имеющихся знаков, в частности – частиц – с учётом контекста, ситуации общения, индивидуальных особенностей реципиента.

4. Английские эквиваленты русских частиц далеко не всегда имеют постоянные формальные эквиваленты, зафиксированные в академических изданиях, но практически всегда реализовывают те же функции, что и русские частицы в исходном тексте. Принадлежность английских эквивалентов русских частиц к разным уровням языка, не имеет существенного влияния на передачу содержания русских частиц, что подтверждает одно из основных выводов системной лингвистики об универсальности мышления и потенциальной возможности передачи содержания, в т.ч. референциального (не денотативного).

5. Теория системно-типологической языковой детерминанты позволяет преодолеть методологические затруднения, имеющие место в теории трех концентрических кругов, и предоставляет эвристические возможности для углубления теории языковых контактов и билингвизма, а также феномена художественного (литературного) билингвизма, в т.ч. творческой билингвальной личности.

Апробация работы. По теме исследования автор имеет 18 научных статей, в т.ч. в изданиях, рекомендованных ВАК России – 4.

Структура работы. Диссертация состоит из Введения, Основной части (3-х глав), Заключения, Списка литературы и составляет 148 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновываются выбор темы и её актуальность; определяются объект, предмет, цель и задачи, материал исследования; излагаются принципы и методы его описания; отмечаются научная новизна исследования, его методологическая база, теоретическая и практическая значимость; формулируются основные положения, выносимые на защиту, и описывается структура диссертации.

Первая глава «Теоретические предпосылки для изучения частиц с позиций системной лингвистики» посвящена сравнительному анализу изучения русских и английских частиц в российской и зарубежной лингвистике и включает в себя три параграфа. Как показывает проведенный анализ, научный интерес к этому пласту служебных слов («партикулам» – по Т.М. Николаевой) в русском языкознании и партиклам / particles (т.н. «‘P’-phenomena», «‘P’-forms», «‘P’-words») в английском языкознании не ослабевает с течением времени. Актуальность этой проблематики обуславливается потребностью человека в создании специальных языковых единиц для передачи референциального содержания и собственного выражения к этому содержанию, развитием языка и коммуникативных навыков у его носителей. Анализ эволюции в изучении русских частиц в первом параграфе **«Частицы русского языка как объект изучения в русском языкознании»** свидетельствует о роли и значении служебных слов в процессе «овнешнения» (термин Е.Ф. Тарасова) окружающей действительности русским человеком. Не случайно В.М. Алпатов, говоря о разных традициях в русском и зарубежном языкознании, предполагает, что «для носителя русского языка различие слов, свободно перемещаемых внутри предложения, и слов с жесткой позицией очень значимо, а в английском языке, где почти любое слово имеет строго фиксированное место, различие знаменательных и служебных слов не так ощущается». ⁴ Другой авторитетный ученый Л.Г. Зубкова подчёркивает, что не различение знаменательных и служебных слов является «важнейшим недостатком типологии Дж. Гринберга». ⁵

Непреходящий интерес к русским частицам доказывается преемственностью в их осмыслении и описании многими поколениями российских ученых. Особый пласт лексического состава русского языка, рассматриваемый в составе наречий и союзов (Ломоносов), позже входит в научный оборот под специальным термином – «частица» (Греч). Затем частицы обретают статус самостоятельных единиц речи (Добиаш) и класса слов, выполняющих вспомогательную функцию в речи (Фортунатов). Как особый служебный класс слов (Шахматов) получает классификацию препозитивных и постпозитивных частиц; как категория сугубо синтаксическая, относящаяся к служебным («частичным») словам, частицы начинают разграничиваться по

⁴ Алпатов В.М. Русский язык и русскоязычная лингвистика // Русский язык: исторические судьбы и современность. II Международный конгресс русистов – исследователей. Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, Филологический факультет, 18-21 марта 2004 г. Режим доступа: <http://www.philol.msu.ru/~rlc2004/ru/participants/alphsearch.php?lid=201> (Дата обращения: 20.01.2014)

⁵ Зубкова Л.Г. Принципы знака в системе языка. М.: Языки славянской культуры, 2010. 752 с. (Studia philologica): <http://philologos.narod.ru/ling/zubkova-sign.htm#Iglava2-5> (Дата обращения: 21.06.2015)

функциям (Пешковский); разделяться на разряды (Виноградов); получают расширенное толкование при описании их в отдельности и группах.

Эти достижения позволили сформулировать положение о тесной взаимообусловленности семантики и функциональных свойств частиц. На современном этапе русского языкознания частицы как особый пласт лексического состава русского языка – «весь наш коммуникативный фонд» (по Т.М. Николаевой)⁶, признан функциональным классом в силу устойчивости их использования в выражении коммуникативного содержания высказывания. Их «разговорная» (по Е.А. Стародумовой), коммуникативная сущность, коммуникативно-прагматическая функция, семантика, включающая фрагменты объективной информации, позволяет рассматривать их в качестве важнейшего средства «организации связного текста и ‘вспомогательными’ элементами построения синтаксических конструкций». ⁷ В свою очередь, эти положения сделали возможным выявлять роль и значение частиц в реализации стилистических функций в художественном тексте ⁸, в т.ч. творческой билингвальной личности⁹.

Русское языкознание пополняется новыми данными, позволяющими глубже проникнуть в природу этих специальных слов. В отличие от традиции в зарубежном английском языкознании традиция в русской лингвистике различать знаменательные и служебные слова предоставила возможность рассматривать русские частицы в качестве одного из значимых показателей типологических особенностей языка (Т.М. Николаева). Вывод о русских частицах как показателях типологической особенности русского языка был доказан в диссертации А.Г. Минченкова. Эта работа закрепила понимание о потенциальной возможности перевода русских частиц на английский язык, если анализировать актуализированное прагматическое значение частицы в составе определенного дискурса: «эквивалентные отношения устанавливаются не на основе структурной близости единиц, а на основе общности выполняемых ими функций». В качестве функциональных эквивалентов могут выступать не только простые и составные дискурсные частицы, но и иные единицы разных уровней английского языка (наречия, прилагательные, глагол, модальные и вводные слова, эмфатические и указательные местоимения, сравнительные конструкции, предикативные и непредикативные выражения и др.)¹⁰.

Во втором параграфе «Английские частицы как объект изучения в отечественной англистике» анализируются исследования российских лингвистов. В одной из значимых работ – диссертации С.Е. Маковеевой замечено, что в силу развития языка под воздействием как внешних, так и внутренних факторов становление класса частиц в английском языке «натолкнулось» на противодействие со стороны внутренних сил языка. Это было

⁶ Николаева Т.М. Непарадигматическая лингвистика: (История «блуждающих частиц»). М.: Языки славянских культур, 2008. 376 с.

⁷ Стародумова Е.А. Частицы русского языка (разноаспектное описание). Владивосток: изд-во Дальневосточного ун-та, 2002. 292 с.

⁸ Муминов В.И. Стилистические функции частиц в романе Ф.М. Достоевского «Идиот». Южно-Сахалинск, 2011. 240 с.

⁹ Минченков А.Г. Дискурсная частица: анализ переводческих соответствий в английском и русском языках. Дисс. ... к. филол. н. 10.02.04, 10.02.20, СПб., 1999. 157 с.

¹⁰ Минченков А.Г. Указ. соч. С.65, 141-143.

обусловлено перестройкой языковой системы в сторону изолирующего типа в позднесреднеанглийский период.¹¹

Действительно, в этот исторический период английский язык претерпел очень большие изменения в лексике, произношении, грамматике, орфографии в силу полу-тысячелетнего нормандского влияния на Англию; английская лингвосистема развивалась в условиях длительных языковых контактов – англо-нормандского билингвизма.

Благодаря работам ученых (Б.Е. Зернов, Н.А. Кобрина, С.Е. Маковеева и др.), стало очевидным, что тесная взаимосвязь между морфологией и синтаксисом возникла в результате распада флективной системы, характерной для древнеанглийского языка. Это стало условием для повышения ‘конструктивной и идентифицирующей значимости порядка слов’ в среднеанглийский период. Развитие изолирующих тенденций в английском языке способствовало значимости всех позиций в предложении, актуализации конструктивных элементов в предложении, вследствие чего они крайне редко расходовались для частиц, что и повлияло на сужение границ данного класса слов. «Для реализации новых целей коммуникации стали применяться уже устоявшиеся в языке ресурсы, подвергавшиеся модификации с помощью транспозиции».¹²

Обобщение специфических признаков позволили выявить механизм их формирования из слов другой частеречной принадлежности и уточнить специфику частиц как единиц, выполняющих особые коммуникативные функции в речи. Они служат «уточнителями коммуникативного членения предложения, обозначенного логическим ударением, порядком слов, контекстом и интонацией». Большая часть лексем, функционирующих как частицы, полистатутные, что обусловлено семантическим и синтаксическим окружением. «Специфика частиц как лингвистических единиц и знаков обусловлена коммуникативными и когнитивными потребностями человека, а также функциональными и строевыми особенностями английского языка».¹³

Понимание русских частиц, как отдельного морфологического, а также лексико-грамматического класса слов и типологического маркера русского языка; английских частиц, как особых лингвистических единиц и знаков, развивавшихся в обстоятельствах тяготения к нормам изолирующего строя, позволяют нам расценивать эти два подхода, как наиболее близкие к позициям системной лингвистики. Разработка теоретической базы перевода русских частиц на английский в рамках *коммуникативно-функционального подхода*, осуществленная А.Г. Минченковым с опорой на работу Т.М. Николаевой¹⁴, позволила аргументированно опровергнуть тезис «о принципиальной непереводимости русских частиц на английский язык».¹⁵ Как мы полагаем, этот вывод находит свою аналогию в одном из важных положений системной

¹¹ Маковеева С.Е. Частицы в современном английском языке : Генезис и функциональный аспект. Дисс. ... Дисс. ... к. филол. н. 10.02.04. Архангельск, 2001. 169 с.

¹² Маковеева С.Е. Указ. соч. С.46.

¹³ Маковеева С.Е. Указ. соч. С.6, 8-9.

¹⁴ Николаева Т.М. Семантика акцентного выделения. М.: Наука, 1982. 104с.

¹⁵ Минченков А.Г. Указ.соч. С.4, 147.

лингвистики об универсальности мышления и единстве содержания, выражаемого разными языковыми системами.

Существует ряд других работ, исследующих английские частицы (Э.И. Гаджиев, Б.А. Кривонос и др.). Более значимыми представляются работы, подвергающие переосмыслению идеи относительно процессов, происходящих в когнитивном сознании, форм представления знаний и механизмы обработки образной информации человеком. Одной из первых диссертаций является работа Б.Б. Базаровой, посвященная концептуальному анализу частицы IN в английском языке¹⁶, изучению объективации структур знания в частицах, как простых по структуре и значению, но нагруженных в смысловом отношении многозначных и многофункциональных единицах. На примере IN выявлены функции частицы служить в английской лингвосистеме телом знаков, которому соответствуют разные означаемые. В виду «отсутствия лексической нагруженности», по сути подобные единицы многозначны и полифункциональны, выполняют *«те же функции, что и всякие другие полнозначные единицы языка»*. Частица IN, функционирующая в качестве предлога, префикса, наречия, постпозитивной частицы, передает общий для них «концепт вместилища или направления в сторону вместилища на самом высоком уровне абстракции». Б.Б. Базарова выделяет разные типы пространств: физическое и разновидности ментальных пространств – области человеческой категоризации, существующие только в представлении человека; показывает, каким образом в языке отражается пространственное восприятие человека, как влияет это восприятие на абстрактное мышление индивида.

В исследовании М.А. Пчелкиной в качестве самостоятельной единицы языка изучается частица *through*.¹⁷ Анализ связей пространственных, временных и переносных значений этой частицы привел к выводу о том, что она представляет собой пример творческого характера номинативной деятельности человека и позволяет судить о процессе абстрагизации мышления человека и национально-культурной специфике концептуализации пространства.

Интерес когнитивистов к «пространственным» частицам свидетельствует об актуальности изучения частиц с позиций разных отраслей лингвистики: «пространственные единицы языка, отражая особенности формирования языковых систем на основе пространственно-визуального мира, являются благодатным материалом как для когнитологов, так и для лингвистов-семасиологов».¹⁸

Изучение английских частиц с позиций когнитивной лингвистики предоставляют возможности: а) приравнивать выполняемые ими функции к функциям, реализуемым знаменательными словами, б) рассматривать их в качестве значимых в номинативной деятельности человека, в) изучать процесс абстрагизации мышления и особенности алгоритмов функционирования когнитивных механизмов мышления современного человека, г) изучать их в

¹⁶ Базарова Б.Б. Концептуальный анализ частицы in в современном английском языке. Дис. ... к. филол. наук (10.02.04), 1999. 179 с.

¹⁷ Пчёлкина М.А. Концептуальные основания предложно-наречной частицы through в современном английском языке : Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – М., 2007а. 193 с.

¹⁸ Пчёлкина М.А. Опыт исследования предлогов в английском языке // Вестник МГЛУ. 2007б. № 532. С.84-92.

качестве форм репрезентации пространственных отношений в языке вообще и национально-культурной специфики концептуализации пространства.

В силу решения конкретных задач собственных исследований лингвисты-когнитивисты не обращались к достижениям системной лингвистики. Однако важно подчеркнуть тот факт, что задолго до появления научной дисциплины «Когнитивная лингвистика» Г.П. Мельников более четырех десятилетий из своей жизни посвятил синтезирующему направлению в современной науке, которое стало признаваться «все большим кругом ученых и получило название когнитологии».¹⁹

С целью показать разницу традиций в русской и зарубежной англистике по изучению частиц в третьем параграфе «*Английские частицы как объект изучения в зарубежной англистике*» осуществляется анализ малоизвестных трудов зарубежных лингвистов, прежде всего, переведенных нами (М. О'Дауд "Prepositions and Particles in English. A discourse-functional account", 1998²⁰; К. Дебра PREPOSITIONS AND PARTICLES IN ENGLISH. *How is there a gradient between the two?*, 2010²¹; Bert Cappelle "Is out of Always a Preposition?", 2001)²². Содержание этих важных особенно в прикладном аспекте работ и их анализ свидетельствует о том, что частицы находятся в фокусе внимания зарубежных ученых. Сложившееся мнение о том, что их изучению уделяется недостаточно внимания не совсем верно. С XVII в. переиздается труд У. Уокера (A Treatise of English Particles, 1655) [Walker, William 1970]), работа Дж. Локка и др. Частицы являются указателем «отношения ума к своим собственным мыслям», а запущенность этой части грамматики обусловлена сверх тщательной разработкой других. Но «кто пожелал бы указать правильное употребление частиц, их значение и важность, должен употребить немного больше труда, вникнуть в свои собственные мысли и тщательно наблюдать различные позиции своего ума при разговоре».²³

Исследования последующих поколений лингвистов (Д. Болинджер, К. Бругман, М. Халидей, Б. Хокинс, Р. Лангакер, Д. Лакофф, Б. Каппелле и др.) показывают, что частицы – важный объект в английском языкознании. *'P-forms' являются источником излияния лексического творчества, которое превосходит всё остальное в английском языке.*²⁴ Наш перевод и подробный анализ исследований подтверждает вывод российских ученых о переводимости русских частиц на английский и отнюдь не только зафиксированными формальными эквивалентами. Так, Э. О'Дауд настаивает на *дискурсивно-функциональном подходе к изучению 'P-phenomena'*, что позволяет *отличить предлог от*

¹⁹ Зубкова Л.Г. О главном лингвистическом труде Г.П. Мельникова // Г.П. Мельников. Системная типология языков / Отв. редактор Л.Г. Зубкова. М.: Наука, 2003. С.6-17. С.5.

²⁰ O'DOWD, Elisabeth M. Prepositions and particles, a discourse-functional account. New York: Oxford University Press, 1998.

²¹ Camille Debras, PREPOSITIONS AND PARTICLES IN ENGLISH. *How is there a gradient between the two?* (2010).

²² Bert Cappelle. Is out of Always a Preposition?, The Particularity of Particles, or Why They Are Not Just 'Intransitive Prepositions' / Journal of English Linguistics (Volume 29 / Number 4 December 2001. PP. 318-328.

²³ Локк Дж. Опыт о человеческом разуме // Избранные философские произведения в двух томах. Т.1., М.: 2004. С.34-35.

²⁴ Bolinger, Dwight. The Phrasal Verb in English. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1971. Pp. 99–104.

частицы. Её интерес к выбранной теме был обусловлен, прежде всего, *большим количеством недоумённых вопросов у не носителей языка – иностранцев, изучающих английский язык*, осваивающих длинные списки ‘фразовых глаголов’ (словосочетания глаголов и частиц) в учебниках по грамматике (Перевод здесь и далее наш. – Е.М.).

Э.М. О’Дауд, как и А.Г. Минченков, считает, что ‘P-forms’ лучше всего рассматривать не как синтаксические и семантические элементы, но как *прагматические, дискурс-ориентированные элементы*. Именно эта ориентационная функция и определяет грамматические *функции* предлогов, *частиц*; это приводит к их семантическому расширению в различных значениях. Синтаксические ограничения ‘феномена’ продиктованы не грамматическими правилами английского языка, а соединением семантики с прагматикой. Выбор между предлогами и частицами мотивированный, он зависит от того насколько сам контекст важен и достоин внимания, он определяется локально прагматической важностью высказывания. Только *функционально ориентированный подход поможет учителям английского «быть более аккуратными при исправлении ошибок студентов и сосредоточить внимание на тех ошибках, которые мешают коммуникативной точности, и отвлекают полилингвальных студентов»* – не носителей английского языка.²⁵

Резюмируя наиболее важные идеи О’Дауд, мы пришли к выводу о том, что английские эквиваленты русских частиц являют собой тот продуктивный материал, который предоставляет возможность точнее объяснить на занятиях по теории и практике перевода изучающим английский язык русскоязычным студентам (претендующим на диплом переводчика с английского языка на русский) предлог или все же частица была реализована в конкретном примере.

В работе К. Дебра подробно рассматривается *преемственность между предлогами и частицами*, основанная на синтаксических, семантических и прагматических критериях. Анализируя ‘P-формы’ К. Дебра ссылается на работы К. Бругмана, Д. Лакоффа, А. Тайлера, В. Эванс, О’Дауд и др. В отличие от О’Дауд, считающей, что некоторые предлоги никогда не работают как частицы, такие, как (*of, at, from*), а некоторые частицы – как предлоги (*away*) К. Дебра отмечает очевидную преемственность между предлогами и частицами. ‘P-word’ – *это две стороны одной медали*, так как оно может пониматься и как частица, и как предлог, но, в то время как частицы заявляют о состоянии или изменении состояния, оставив ориентир неопределённым, предлоги определяют траекторию по отношению к явному ориентиру, дополненному рема-информацией.

Наиболее значимыми являются статьи и монография Б. Каппелле (Vert Carpelle), в которых подвергаются критическому анализу многолетнее теоретизирование в отношении частиц. Важным для наших поисков является то, что в отличие от других лингвистов он отводит *частицам лидирующее место в нескончаемом ряду т.н. фразовых глаголов*. Такие комбинации, как: ‘*go in, come out, open up*’ (*входить, выходить, открываться*) и т.д., считаются сложными или ‘фразовыми’ глаголами – т.е. глаголами с добавленным невербальным

²⁵ O'DOWD, Elisabeth M. Prepositions and particles, a discourse-functional account. New York: Oxford University Press, 1998. Pp. 10, 44-45, 173-176.

элементом, который грамматисты решили назвать 'частицей', термином, отражающим отсутствие их интереса к нему. Более наглядным способом рассмотрения таких комбинаций является рассмотрение частицы не как приложение к глаголу, а как первичный элемент в комбинации»²⁶ (перевод наш. – Е.М.). Только таким образом, убежден Каппелле, можно идентифицировать ряд более широких закономерностей, которые не были выведены из списка комбинаций глагольных частиц, упорядоченных по алфавиту вербальным элементом в академических изданиях. В бесконечном множестве комбинаций глаголов и частиц как конечном наборе структур с «предустановленной» частицей и открытой позицией для вербального элемента, который может быть существительным или прилагательным вне комбинации, частица – это не столько глагол, образующий «фразу» с частицей, а частица, образующая «фразу» с (возможно, полученным) глаголом. Поэтому может быть предпочтительнее называть «фразовая частица», хотя сам предпочитает термин «конструкция частиц».

Учёный выделяет пять причин, обуславливающих изучение частиц. Частица 1) является семантически центральным элементом внутри комбинации, а глагол находится в подчиненном отношении к этому событию кадрирования, его значение обычно ограничивается выражением манеры действия или причины действия; 2) может изменить структуру аргумента глагола; 3) её можно перемещать; она может следовать за глаголом – “*shut off the gas*”, за дополнением “*shut the gas off*”, или может предшествовать глаголу, как в “*Off you go!*”; 4) частице даже не нужен глагол; её нельзя рассматривать как элемент, возникновение которого зависит от наличия глагола, ввиду бесчисленных конструкций; 5) она может возглавить собственную фразу. Частицы могут быть расширены до настоящей частичной фразы (PrtP). Например, вместо *go in* мы можем сказать *go (right back in towards the bar)* [прямо в сторону бара], где мы рассматриваем частицу в виде ядра фразы частиц, частица “*back*” (обратно) как спецификатор, наречие “*right*” (прямо) как спецификатор и PP “*towards the bar*” (к бару) в качестве дополнения. Частицы должны отбрасывать изображение в качестве аксессуаров к глаголу. Они являются чрезвычайно мощными элементами, семантически и синтаксически затмевая глагол.²⁷

Таким образом, более чем трёхвековое изучение частиц в зарубежном языкознании все более актуализируется в последние десятилетия. Подтверждением тому является а) инонационально-английский билингвизм, лингвистическая витальность английского языка, варианты которого увеличиваются и их легитимность получает поддержку ученых в России (З.Г. Прошина, Т.В. Василева, А.А. Ривлина и др.) и многих других странах (Германия – Э. Шнайдер, Япония – Х. Нобуюки, А. Мацуда; Швеция – К. Болтон; США – Б. Качру, Л. Смит, Я. Качру, Д. Граддол, М. Бёрнз и др.); б) формирование в английском языкознании теории «трёх концентрических кругов» (World Englishes); в) возросшим вниманием лингвистов к англоязычной художественной литературе, создаваемой би(транс)лингвальными авторами.

²⁶ Bert Cappelle. Указ. соч. С.459.

²⁷ Bert Cappelle. Указ. соч. С. 460-461.

В этих текстах, в английской языковой «оболочке» отражаются картины мира иных культур, представленных в вариантах английского (Б.Б. Качру, Я.Д. Мальколм и др.).

Благодаря преемственности в изучении русских частиц отечественными лингвистами тезис о практической непереводимости русских частиц на английский можно считать окончательно опровергнутым, несмотря на аргументацию об отсутствии их формальных эквивалентов. Распространённый вывод о «слабопартиклевом» английском может быть принят с оговоркой. Таковым его можно считать с точки зрения «частицеобильного» русского языка, что «становится особенно заметным при исследовании частиц в аспекте перевода» (А.Г. Минченков).

Прикладной аспект изучения частиц разных языков и их иноязычных эквивалентов очевиден. Сопоставительный анализ частиц и их иноязычных эквивалентов в процессе практических занятий по переводу в высшей школе способствует подготовке специалистов более высокого уровня. Частицы – «весь коммуникативный фонд» не только в русском языке. Без знаний о сущности частиц практически невозможно адекватно понять собеседника и на должном уровне перевести конкретный текст, тем более, художественный.

Сравнительный анализ двух традиций в изучении частиц в Главе 1 показывает, что за рамками существующих подходов к исследуемой проблематике оставались достижения системной типологии языков.

Во второй главе **«Синтезирующий потенциал системной лингвистики применительно к изучению частиц»** осуществлена попытка применить основные положения лингвистической концепции Г.П. Мельникова к целям и задачам исследования. Отдавая себе отчет в том, что все принципы и методы системной лингвистики невозможно применить и полностью раскрыть в одной работе, мы остановились на тех, которые важны для решения поставленных задач. В этой связи в первом параграфе **«Основные положения системной лингвистики применительно к объекту и предмету исследования»** раскрывается сущность теории системно-типологической языковой детерминанты («типология типологий» – Л.Г. Зубкова²⁸). Развитие системного подхода к языку И.А. Бодуэна де Куртенэ, учение В. Гумбольдта о социальной природе человека и его языка как их внутреннем свойстве способствовали созданию Г.П. Мельниковым *системологии* – общей методологии – научной дисциплины, направленной на преодоление возникающих в процессе развития науки *методологических* затруднений и увеличению её эффективности. Это наука о системах содержит в себе ключевые понятия внешней и внутренней детерминанты.²⁹

Каждая система, являясь целостным функциональным элементом конкретной надсистемы и соотносясь с ней как часть с целым, имеет *внутреннюю детерминанту* – свойство системы определять своеобразие её структуры и субстанции. Система характеризуется *исходной, текущей* или *предельной* внутренней детерминантой в зависимости от того, в исходном, текущем или

²⁸ Разработка принципов и методов системной типологии языков, как отмечает Л.Г. Зубкова, «было делом всей жизни» ученого (Указ.соч. 2003).

²⁹ Лутин С.А. Указ. соч. С.13-21.

предельном состоянии она находится. Следовательно, так же как *система в надсистеме* является *элементом* надсистемы, система по отношению к своему элементу выступает как *надсистема*.

Внешняя детерминанта функциональный запрос надсистемы на систему. Этот запрос и является той целью, ради которой функционирует любая система как часть целого. Именно запрос «определяет, какой должна быть предельная внутренняя детерминанта системы в этом узле надсистемы», т.е. определяет количество элементов, их особые свойства, сети связей и их отношения.

Основываясь на этом положении во второй главе **«Своеобразие коммуникативного ракурса английской языковой системы с позиций системного подхода»** мы осуществили попытку раскрыть своеобразие английской лингвосистемы. В отличие от русского языка, с присущей ему *событийной детерминантой*, особенность внутренней формы английского языка заключается в отсутствии однозначно фиксированного ракурса. Это, как мы полагаем, демонстрирует феномен (P-words) и английские эквиваленты русских частиц. **Внутренняя форма английского** обуславливается полифункциональным использованием устоявшихся в этой лингвосистеме ресурсов, её можно классифицировать как **оказиональную, творческую** по отношению к использованию имеющихся знаков, в т.ч. частиц с учётом контекста, ситуации общения, индивидуальных особенностей коммуникантов. Положение системной лингвистики о позиционных ограничениях, распределении функции выражения *смысловой* единицы между несколькими единицами с вещественным значением в речевом потоке, использование этих же единиц для уточнения отношений между смыслами, по нашему мнению, предоставляет возможность рассмотреть проблему феномена ('P-forms', 'P'-phenomena, 'P'-words) под новым углом зрения и жизнеспособность английского как «глобального» языка. Инонационально-английский билингвизм, порождённый императивом английского языка, его вариативностью получают свое объяснение в рамках принципов и подходов системной лингвистики.

Основываясь на положениях Г.П. Мельникова, мы полагаем, что *функциональный запрос процесса глобализации* (необходимость единого международного языка) как надсистемы на систему является *внешней детерминантой*. Надсистема определяет, какой должна быть «предельная внутренняя детерминанта системы в этом узле надсистемы». Внутренняя детерминанта английской лингвосистемы, сложившейся в процессе «бурного смешения народов и культур», приспособлена для распространения по миру. «Отсутствие фиксированного коммуникативного ракурса, необходимость творческого подхода при выборе приёмов выражения служебной информации с помощью вещественных значений» способствует появлению новых вариантов. Это не означает, что причины «глобальной англизации» кроются *лишь* в своеобразном коммуникативном ракурсе этого языка

Другое важное положение системного подхода к языку: *коммуникативная обусловленность внутренней детерминанты языка*. По Г.П. Мельникову, язык – это не инструмент мышления, а прежде всего, коммуникативное устройство³⁰.

³⁰ Л.Г. Зубкова подчёркивает, что «собственно мышление, с точки зрения Геннадия Прокопьевича, не вербально и универсально». Указ. соч., 2003: 12-13.

Отсюда естественность тезиса *о единстве способов мышления человеческого вида как мыслящего существа*. Близость основных типов практической деятельности людей обуславливает близость и типов абстракций, вырабатываемых в процессе этих типов деятельности, и мыслительных операций, которые основаны на взаимодействии весьма близких абстрактных единиц. Коммуникативная деятельность, по Г.П. Мельникову, это особая, целенаправленная мыслительная деятельность, но не всякая мыслительная деятельность имеет целью достижение коммуникации. Отождествлять мышление вообще с языковым мышлением, в частности, нельзя. Различие в строе языков обуславливает различие «в способах коммуникативной классификации конкретных и абстрактных смыслов и, следовательно, к специфике членения смыслов на значения при передаче ситуативного содержания. Однако, в конечном счете, это **содержание остаётся одним и тем же, независимо от того, на ‘каком языке’ думают участники коммуникативного акта.**³¹ На этом основывалась логика нашего исследования: содержание высказывания на одном языке передаваемо на ином. В рамках этого положения получает подтверждение вывод о потенциальной возможности перевода с одного языка на другой всех единиц языка, включая принципиальную возможность нахождения функциональных эквивалентов русских частиц на ином языке. Несомненно, что определенная «закрытость» / «непереводимость» культур должна существовать, это одно из главных условий их развития. Вместе с тем, говорить о полной языковой непереводимости в плане содержания едва ли правомерно. Внутренняя форма сообщений – это смысл высказываний. Смысл высказываний служит лишь *намеком* на этапы преобразования повода в сюжет. Не разграничение уровня внутренней формы ведёт к отождествлению картины мира с коммуникативным ракурсом, а смысл высказывания – с сюжетом, который формируется из повода под влиянием этого смысла.

В соответствии с коммуникативной природой языка в качестве характеристик *внешней детерминанты* учёный выделяет те особенности языкового коллектива и условий общения, которые наиболее непосредственно сказываются на том, насколько близко мировидение (картина мира) у членов коллектива, относительно каких его фрагментов (поводов) чаще всего возникает дефицит информации у членов коллектива и в каком именно отношении, в каком аспекте эта информация должна исправлять и преобразовывать такие фрагменты в процессе общения. Отсюда, по Г.П. Мельникову, такие характеристики языкового коллектива, как: *величина (малый большой коллектив); однородность–разнородность (смешанность) состава; режим общения: наличие-отсутствие временных и /или пространственных ограничений на межкоммуникационные интервалы, в т.ч. в зависимости от оседлости / неоседлости носителей языка; уровень преемственности языкового и культурного опыта* являются коммуникативно-релевантными.³²

Особенности внеязыкового сознания носителей языка, включающиеся во внешнюю детерминанту (тип связи поводов сюжетов в памяти коммуникантов, степень близости текущих, индивидуальных образов и мировидения), также определяются характеристиками языкового коллектива и условиями общения.

³¹ Мельников Г.П. Указ. соч. С.135-136.

³² Мельников Г.П. Указ. соч. С.108-127.

Таким образом, различия в языковых коллективах обуславливают нетождественность коммуникативной функции, её вариативность.

Важнейшее проявление внутренней формы языка, в которой реализуется внутренняя детерминанта системы, учёный усматривал именно в коммуникативном ракурсе – особенностях смысловой схемы типовых высказываний. Смысл типичного высказывания как внутренняя форма сообщения должен быть приспособлен для преобразования типичных поводов в типичном аспекте при формировании типичных, для рассматриваемых условий общения, сюжетов и при типичных временных и пространственных межкоммуникационных интервалах.³³

Главным достижением Г.П. Мельникова является «раскрытие содержания, предугаданного В. Гумбольдтом понятия внутренней формы каждого из четырёх “морфологических классов” <...>, а также конкретизация тех внешних факторов, которые направляют развитие языковой системы к тому или иному типологическому полюсу.³⁴ Коммуникативные ракурсы следующие: *обстановочная* – инкорпорирующий тип; (*качественно*) *признаковая* – агглютинирующий тип; *событийная* – флективный тип; *оказиональная* – корнеизолирующий тип.³⁵ Это важнейшее достижение учёного объясняет функциональные связи между семантическим своеобразием языка и особенностями условий общения в языковом коллективе, обуславливающими соответствующую модификацию функций языка (Л.Г. Зубкова).

Отталкиваясь от понимания языка Г.П. Мельниковым как адаптивной коммуникативной системы, функционирующей в режиме оптимальной согласованности со всеми её подсистемами, мы рассматриваем частицы как значимый уровень языка. От действия частиц как важного узла системы, от их «намёков» зависит эффективное функционирование других подсистем и лингвосистемы в целом.

В третьем параграфе «*Системная лингвистика применительно к художественному (литературному) билингвизму*» была осуществлена попытка применить положение системной лингвистики к герменевтической деятельности билингвального автора, автора-переводчика. Это положение о том, что типологические различия языков обуславливают различия в способах коммуникативной классификации конкретных и абстрактных смыслов, особенности членения смыслов на значения в процессе передачи содержания. Содержание не зависит от того на «каком языке думают» (на языке не думают, но объективируют действительность, «овнешняют» – Е.Ф. Тарасов) участники коммуникативного акта. Содержание частиц тоже выражается различными средствами. В одной лингвосистеме может осуществляться средством *однословной номинации*, в другом – потребуются использование узуальных смыслов большего числа слов – *когноминация* (термин Г.П. Мельникова).

Это особенно чувствует билингвальная творческая личность, способная *вычленять смыслы*, присущие двум разным культурам, достраивать их до необходимой полноты и приобщать представителей одной культуры к

³³ Мельников Г.П. Указ. соч. С.122-123.

³⁴ Зубкова Л.Г. Указ. соч., 2003. С.4.

³⁵ Мельников Г.П. Указ. соч. С.129.

мироощущению иных. Это отражают и английские эквиваленты русских частиц, представленные различными синтаксическими и стилистическими средствами. Например: частица *'же'* В «Защите Лужина» выражается следующими функциональными эквивалентами в “The Luzhin Defence”: *the same, this / these, the very, still, you know?; in general / generally normally , as....as, nonetheless, just as....as, nevertheless, although, but, but when, but where, but now, then.*

Увеличивающиеся дискуссии в отношении создания новых подходов в преподавании английского языка постоянно будут сталкиваться с проблемами частиц («‘P’-phenomena», «‘P’-forms», «‘P’-words») «в нескончаемом контексте фразовых глаголов». Полагаем, возможным объяснить этот феномен с позиций системной лингвистики, как важных показателей внутренней детерминанты – своеобразия коммуникативного ракурса английского языка – особенностей смысловой схемы высказывания, одной из важных её типологических особенностей.

Среди трудов Г.П. Мельникова мы не обнаружили «специальных» работ, кроме одной, в которой учёный объяснял своеобразие внутренней формы русского языка и находил факторы, обуславливающие это своеобразие. Статья на основе записей его лекций была подготовлена к публикации последователями Г.П. Мельникова (М.Ю. Федосюком, Т.Л. Ляхнович, Т.В. Ващекиной)³⁶, которая стала одной из отправных для раскрытия темы исследования. На её основе мы выстраиваем интерпретацию устройства английской лингвосистемы.

Системная типология языков применительно к цели и задачам нашего исследования, обладает эвристическими (эвристика непосредственно связана с кибернетикой, которой занимался Г.П. Мельников) возможностями для определения русских и английских частиц как органичных подсистем внутренней формы двух языковых систем, а *английские эквиваленты русских частиц как показателей своеобразия коммуникативного ракурса английской языковой системы.*

В третьей главе «*Английские эквиваленты русских частиц с позиций системной типологии языков*» проводится сопоставительный анализ русских частиц и их английских эквивалентов на материале русского и английского текстов В. Набокова «Защита Лужина» и “The Luzhin Defence”. *Первый параграф этой главы* посвящен феномену речемыслительной деятельности творческой билингвальной личности, отбирающей в языке и использующий те единицы, которые создают художественные образы и художественное пространство и меняют человека. «Набоков ценит в чужом литературном наследии лишь то, что пестует в своём собственном – силу и непосредственность чувства, повествовательную опытность, когда ‘лучшие слова в лучшем порядке’ передают заданную мысль кратчайшим образом <...>». ³⁷ Мы полагаем, что «лучший порядок» писатель выстраивал и в отношении частиц.

Мы сосредоточили своё внимание на романе «Защита Лужина» и его авторизованном переводе на английский язык “The Luzhin Defence”. Выбор наш

³⁶ Мельников Г.П. В чём состоит своеобразие русского языка и какими факторами оно обусловлено. (Подготовлено к публикации М.Ю. Федосюком, Т.Л. Ляхнович, Т.В. Ващекиной) // Политическая лингвистика / Гл. ред. А.П. Чудинов; ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». Екатеринбург, 2012. Вып. 2(40). С.13-19.

³⁷ Толстой И. Несколько слов о «главном герое» Набокова / Набоков В.В. Лекции по русской литературе. М.: Независимая газета, 1996. С.7-12. С.9.

не был случайным. С одной стороны, у нас появляется возможность подтвердить полученные предшественниками результаты. С другой – обзор статей об этом романе, подводит нас к выводу о том, что как художественный текст он наименее исследован с лингвистических позиций. «<...> ‘Защита Лужина’ в особенности нуждается в более внимательном, чем доселе, прочтении. <...> ‘Защита Лужина’ занимает среди сочинений Набокова уникальное место <...>».³⁸

Отталкиваясь от опыта А.Г. Минченкова, привлекавшего к исследованию переводы других русских писателей, в частности Ф.М. Достоевского, мы взяли за основу функциональной классификации частиц стилистическую систему, выявленную В.И. Муминовым при анализе романа Ф.М. Достоевского «Идиот».

Основными стилистическими функциями частиц, которые выделил В.И. Муминов, являются следующие: 1) акцентирующая, 2) экспрессивная, 3) эмотивная (эмоциональная), 4) аксиологическая (оценочная), 5) ретардационная, 6) суггестивная.³⁹ Как показал наш сопоставительный анализ русских частиц и их английских эквивалентов все эти функции реализовываются в референциальном содержании русских частиц, выбранных нами из русского текста.

На первом этапе работы мы выявили 61 частицу и 1232 примера с их использованием в «Защите Лужина», затем – 1232 английских эквивалента в английском тексте "The Luzhin Defence". На втором этапе работы мы сосредоточились на анализе семи наиболее экспрессивных и полифункциональных русских частиц: *ведь; даже; именно; хоть; вот; же; -то*, подвергнув анализу 342 примера.

В ходе сопоставительного анализа мы пришли к выводу о том, что частицы – незначительные элементы языка, лишённые полноценной семантической нагрузки на уровне имманентной языковой парадигмы – служат, однако, показателем высокой развитости самой лингвосистемы. Зачастую количественные скачки в использовании частиц характерны для более поздних этапов формирования языка, когда в достаточной мере накоплен эссенциальный лексический фонд и выработаны механизмы согласования между его единицами. Согласно исследованиям лингвистов-диахронистов, количество русских частиц увеличилось почти в два раза со второй половины XVII века.

Увеличение общего количества частиц и потенциальных контекстов их использования свидетельствует о том, что диктумное ядро языка, его способность к передаче определенных *пропозиций* в полной мере сформированы. Частицы «включаются» в надуровень текста в том случае, когда трансформирующее сознание адресанта создает вокруг некоей объективной ситуации модусную рамку *собственного отношения*. Активное употребление частиц сигнализирует о переходе носителей языка на более высокие уровни коммуникации, что обусловлено и самим развитием языка. Следовательно, частицу правомерно назвать дискурсной единицей, участвующей в процессе

³⁸ Найман Э. Литландия: аллегорическая поэтика «Защиты Лужина» (Авторизованный пер. с англ. С. Силаковой) / Опубликовано в журнале: «НЛО» 2002, №54 / *ПОЭТИКА НАБОКОВА*. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2002/54/nai.html>. Проверено 13.04.2013 (Дата обращения: 21.12.2015)

³⁹ Муминов В.И. Указ.соч. С.194-195.

коммуникации и реализующей самые различные функции, от *фатической* (контактоустанавливающей, связывающей) и *экспрессивной* до *функции оценки и воздействия на воспринимающее сознание адресата*. На материале анализа частиц в двух языковых системах мы пришли к следующим умозаключениям.

1. Частицы могут выступать маркерами определенных черт национального языкового характера. Они способны не только усиливать смыслы и сообщать дополнительные значения диктумному ядру высказывания, но и порождать конкретные сценарии читательского восприятия, «предугадывания» («намёков») событий. Таким образом, частицы способствуют реализации *сюжето- и текстообразующих функций*, запуская «герменевтический вектор» в интерпретации художественного целого. Они несут нагрузку пролептических / аналептических маркеров, «нарративных крючков», этноспецифических репрезентантов (см., например, актуализацию отдельных смыслов, таких, как фатализм, пассивность и пр.). Во всех представленных случаях частица выступает знаком авторской модальности.

2. Будучи билингвальным автором, Набоков создает русскоязычный и англоязычный тексты в разных интроязыковых модальностях. Так, в русскоязычном тексте в полном объеме реализованы те черты национального характера, которых «ожидает» русскоязычный читатель (провиденциальность, событийная стихийность), в то время как в англоязычном тексте усилена причинно-следственная, рациональная составляющая. Таким образом, наличие / намеренное отсутствие частиц способствует достижению общего коммуникативного успеха в процессе творческой кооперации автора с читателем. Проанализированные нами частицы имплицитно воздействуют на горизонт читательских ожиданий, в определенной степени формируя его.

3. Частицы можно с уверенностью назвать языковыми элементами с ярко выраженным национально-культурным компонентом. Они выполняют *функцию конкретизации, описательной акцентуации, оценки, а также антитезы, противопоставления* (причем не только структурно-формального, но и онтологического, сущностного). Во всех случаях *частицы выступают контекстуально-значимыми единицами произведения, обретая собственное место в содержательной структуре текста*.

Сравнительно-сопоставительный анализ синтаксических фрагментов художественного произведения на русском и английском языке выявил в русскоязычном тексте наличие определенных частиц (*вот, уж, даже* и др.), которые не имеют полноценных аналогов в тексте перевода. На наш взгляд, это свидетельствует не только о типологических различиях двух языковых систем, но и указывает на гетерогенность их внутренних детерминант. В то же время отсутствие формальных эквивалентов зачастую замещено в английском тексте их функциональными эквивалентами.

Использование / намеренное неиспользование В. Набоковым тех или иных частиц свидетельствует о том, что перевод как таковой рассматривался писателем как самостоятельный речевой акт, нацеленный на иное воспринимающее сознание в условиях иного коммуникативного контекста, что подтверждает выводы о том, что частицы – это элементы прагматического (коммуникативного) уровня.

Постоянное развитие языка и коммуникативных навыков *человека говорящего* находятся во взаимообусловленности с частицами, с их поступательным развитием. Функционирование и согласованность частиц с другими частями речи обеспечивают слаженную работу лингвосистемы.

Сопоставительный анализ показывает, что английские эквиваленты русских частиц реализовывают практически весь репертуар функций, свойственных русским частицам. Принадлежа к разным уровням языка, они передают содержание (диктум) русских частиц и являются красноречивым доказательством своеобразия коммуникативного ракурса английской лингвосистемы, её творческой – окказиональной внутренней детерминанты.

Отсутствие умений и навыков в использовании частиц и различения их в речи носителей языка создают большие сложности психологического характера русскоязычным студентам, и здесь незаменимым подспорьем в учебном процессе является художественный текст билингвального автора.

Заключение. Частицы русского языка и английские particles участвуют в формировании языкового сознания человека, художественных образов, поскольку как определенная пневмосфера (по П.А. Флоренскому, вещество, проработанное духом, обладающее высокой устойчивостью) своим референциальным содержанием обволакивают все уровни языка, узловые связи, всю языковую систему целиком.

Перспективы изучения частиц обоих языков и их иноязычных эквивалентов усматриваются в дальнейшем осмыслении системной лингвистики с учетом математических методов квантитативной лингвистики. Представляется, что это позволит выявить, как выстраивается конкретная иерархия частиц с другими служебными словами в текстах В. Набокова. Предварительная выборка из текста «The Luzhin Defence» частиц, зафиксированных в академических изданиях именно как частицы (but – 381; only – 92; just – 75; also – 74; even – 61; too – 48; exactly – 20; simply – 29; alone – 19 и др.), представляет интерес в плане перевода их на русский язык.

Подвергшиеся анализу 1232 английских эквивалента русских частиц в тексте «The Luzhin Defence» имеют дальнейшую перспективу в прикладном аспекте, могут быть использованы в практике преподавания английского языка.

Основное содержание и основные положения диссертации отражены в 18 публикациях, наиболее важными из которых являются следующие:

1. Маркова Е.А. Об особенностях репрезентации русских частиц в английском художественном тексте (на материале романа В. Набокова «Защита Лужина») // Вестник РУДН. Серия «Теория языка. Семиотика. Семантика». №2, 2013. С.129-136.

2. Маркова Е.А. О территориальном и демографическом императиве английского языка // Гуманитарные исследования. Журнал фундаментальных и прикладных исследований, №3(47), 2013. С.70-75.

3. Маркова Е.А. Семантика образных единиц или «образность» по В. Набокову // Вестник РУДН. Серия «Вопросы образования: языки и специальность». № 1, 2016. С.97-102.

4. *Маркова Е.А.* Транслингвальная литература как важный источник лингвистической витальности русского и английского языков // Гуманитарные исследования. Журнал фундаментальных и прикладных исследований. №2(62), 2017. С.15-20. (В соавторстве с Тодоровой И.Д.).
5. *Маркова Е.А.* Русские частицы в переводе на английский язык (на примере частицы *вот* в романе В. Набокова «Защита Лужина») // Филология и современность. Сб. научных трудов. Вып. 3. Министерство высшего и среднего специального образования РУз, Узбекский государственный университет мировых языков, кафедра русского языка. Ташкент: MERIYUS, 2012. С.74-81.
6. *Маркова Е.А.* Английские и русские частицы: различия в изучении // IX Степановские чтения. Москва, РУДН, 2013. Сб. статей. М.: РУДН, 2013. С. 144-145.
7. *Маркова Е.А.* «Р» phenomenon: предлог или частица / Избранные труды международной научной конференции «Многомерные миры языка» Москва, РУДН, 2015. М.: РУДН, 2015. С.236-242.
8. *Маркова Е.А.* Об исследовании текста билингвального автора с позиций системной лингвистики // Функциональная семантика и семиотика знаковых систем. Сб. научных статей, ч.1. М.: РУДН, 2014. (В рамках проекта МОН РФ и РГНФ / ISBN978-5-209). С.105-113.
9. *Маркова Е.А.* Перспективы лингвистической компаративистики с позиций системной типологии языков // I-ый Международный научный симпозиум «Интегративные функции современной компаративистики». 19-20 апреля 2013, Астана. Сб. научных статей. Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2013. С.227-233. (В соавторстве с Бахтикиреевой У.М.).
10. *Маркова Е.А.* Об актуальности сопоставительных исследований словообразовательных систем разноструктурных языков / Сборник материалов Международной научной конференции «Евразийская лингвокультурная парадигма и процессы глобализации: история и современность» 11-13 ноября 2009, Пятигорск, ПГЛУ, 2009. С.161-162.
11. *Маркова Е.А.* Bilingual writers-souls in exile // Сборник материалов Международной научной конференции «Евразийская лингвокультурная парадигма и процессы глобализации: история и современность» 11-13 ноября 2009, Пятигорск, ПГЛУ, 2009. С.162-164.
12. *Маркова Е.А.* Витальность английского языка в мире // Функциональная лингвистика. Научный журнал. № 6, 2014 (ISSN 2219-4290). С.74-76 б.
13. *Маркова Е.А.* О билингвальных авторах: особенности восприятия В. Набоковым творчества Н. Гоголя / Третья Международная научно-методическая конференция «Русскоязычие и би(поли)лингвизм в межкультурной коммуникации XXI века: когнитивно-концептуальные аспекты» 16 апреля 2010, Пятигорск, ПГЛУ. Сб. статей. С.89-92.
14. *Маркова Е.А.* «Русскость» в зарубежном творчестве В.Набокова // Материалы международной научной конференции: «Жизнь языка в культуре и социуме – 6». Институт языкознания РАН – РУДН. М.: РУДН, 2017. (ISBN 978-5-91730-651-3). С.53-54.

Маркова Елена Андреевна (РФ)

**Английские эквиваленты русских частиц
с позиций системной лингвистики**

В диссертации осуществлена попытка применить принципы и методы системной типологии языков Г.П. Мельникова для рассмотрения английских эквивалентов русских частиц как показателей коммуникативного ракурса английской языковой системы.

Отсутствие у английской языковой системы строго определенного коммуникативного ракурса, но преобладающей *оказиональной внутренней детерминанты* обуславливает использование знаков с учётом контекста, ситуации общения, индивидуальных особенностей реципиента и др..

Сопоставительный анализ показывает, что английские эквиваленты русских частиц, принадлежа к разным уровням языка способствуют реализации практически всех функций, свойственных русским частицам и передают содержание (диктум) русских частиц.

На основе анализа английских эквивалентов русских частиц и собственно – русских частиц делается вывод о том, что частицы выступают языковыми элементами, подсистемами языковой системы, выступающими маркерами национально-культурных особенностей, уникальности и специфичности каждого языка и обслуживаемой им культуры. Они не только усиливают смыслы и сообщают дополнительные значения диктумному ядру высказывания, но и порождают конкретные сценарии читательского восприятия, дают толчок человеку предугадывать дальнейшую развертку событий.

**Markova Elena Andreevna
System Linguistics-based approach to English equivalents for Russian
particles**

Ph.D. thesis attempts to apply principles and methods of G.P. Melnikov's System Linguistic Typology for studying particles and their foreign-language equivalents as indicators of the communicative foreshortening of the English language system.

The absence of a strictly defined communicative foreshortening in the English language system, but the existence of prevailing occasional internal determinant, results in the use of signs taking into account contexts, communicative situations, individual characteristics of the recipient, etc.

Comparative analysis shows that the English equivalents of Russian particles belonging to different levels of language contribute to realization of almost all functions peculiar to Russian particles and convey the content (dictum) of Russian particles.

Based on the analysis of the English equivalents of Russian particles and the Russian particles themselves, we conclude that particles act as linguistic elements, subsystems of the linguistic system, as markers of national cultural features, the uniqueness and specificity of each language and culture which this language serves to. They not only reinforce meanings and impart additional meanings to the dictum kernel of the utterance, but also generate specific scenarios for reader perception, give the impetus to a person to anticipate further unfolding events.